

Как закон о реформе академии повредит российской науке

23.09.2013 14:39 /

Госдума приняла в третьем окончательном чтении закон о реформировании системы государственных академий наук. 25 сентября закон должен одобрить Совет Федерации, после чего его подпишет президент. Возможно, уже в конце сентября реформа РАН, вызвавшая протесты ученых по всей стране, официально вступит в силу. Как изменится после этого научная жизнь российских исследователей, работающих в структуре Академии наук, корреспондент «Фонтанки» обсудил с заместителем директора Института лингвистических исследований РАН Сергеем Юрьевичем Дмитренко.

- Чем страшен для ученых закон о реформе Академии наук, который был принят Госдумой в третьем чтении 18 сентября? Вопрос касается имущества институтов?

- Вопреки тому, что мне доводилось читать и слышать в самых разных СМИ, суть закона вовсе не в том, что имуществом, находившимся в управлении РАН, отныне будет управлять специальное агентство. Если бы дело было только в этом, то такой вариант устроил бы многих сотрудников институтов. Мой собственный опыт позволяет добавить, что в первую очередь он устроил бы институтское руководство. В конце концов, наши здания и земля собственностью РАН не являются. Появление специальной структуры с четко определенными полномочиями, структуры, на которую были бы возложены юридические и технические функции по управлению недвижимым имуществом, только помогло бы работе институтов РАН.

- В чем же тогда основная опасность нового закона?

- Научно-исследовательские институты «изымаются» из РАН, перестают быть ее составляющей. Разрушается традиционная и вполне работающая модель отраслевых отделений РАН. Учредителем институтов становится загадочный «Федеральный орган исполнительной власти». Он не только будет владеть недвижимостью. Он станет разрабатывать государственные задания для институтов.

- То есть государственный орган исполнительной власти будет определять, что должны исследовать ученые?

- Да. В законе деликатно уточняется, что делать он это будет «с учетом предложений РАН», но суть от этого не меняется. Именно это — самый главный пункт изменений. Чиновники, работающие в новом «Федеральном органе», будут определять тематику научных исследований, в их ведении окажется кадровый вопрос, они станут принимать решения о финансировании научных тем, они будут контролировать прием в аспирантуру. Перед этим же «Федеральным органом» нам предстоит отчитываться один, а то и два раза в год. Не исключено, кстати, что в итоге всех этих нововведений «хозяином» институтов окажется некое дочернее агентство Минобрнауки, пусть даже какое-то время оно будет позиционироваться как независимая структура.

- А как сейчас выглядят взаимоотношения научного института с «центром»?

- В конце каждого года мы готовим план научно-исследовательских работ на следующий год. Этот очень небольшой документ представляется в отраслевое отделение, а затем визируется одним из вице-президентов РАН. Всё. Это наше государственное задание, на его основании институт финансируется в новом году. Одновременно готовится отчет о работе института в прошедшем году. Документ этот довольно обширный, но для действительно активно работающей организации составить его — не проблема. Во время комплексных проверок, которые каждый институт проходит раз в пять лет, сотрудники Научно-организационного управления РАН, в числе всего прочего, сверяют ежегодные планы и отчеты организаций (очень волнующий момент для ученого секретаря!) на предмет их соответствия. Никакой особенной бюрократии тут нет. При этом мы знаем, что в отделении наши планы и отчеты читаются компетентными коллегами, которые прекрасно осведомлены об особенностях научной работы именно в нашей области и не станут доминать нас напрасными и мелочными придирками. Сотрудники институтов испытывают минимум неудобств. Любой ученый секретарь или заместитель директора легко справляется с двумя этими документами.

- Какие еще последствия вызовет передача научных институтов РАН в ведение Федерального органа исполнительной власти?

- Общие контуры нашего будущего существования может легко представить себе каждый, кто участвовал в недавних кампаниях, инициированных Министерством образования и науки: в аккредитации образовательных программ, в мониторинге диссертационных советов, в составлении заявок и отчетов по федеральным целевым программам. Кроме того, хотя новый закон с учеными не обсуждался, некоторые планы «отцов» реформы РАН становятся известны в научных кругах.

Итак, что нас ждет:

Во-первых, существенное (в 2 - 3 раза) сокращение числа институтов. При этом критерием для принятия решения о ликвидации организации станет не качество ее работы, а соответствие разработанному министерством набору формальных критериев. Зачастую эти критерии весьма несуразны: все ли гуманитарии готовы отчитаться о количестве патентов, о селекционных достижениях и полезных моделях? Именно эта схема реализуется сейчас в отношении аспирантур и диссертационных советов.

Во-вторых, нас ждет сокращение числа научных сотрудников. Опять же критерии, по которым сотрудников станут увольнять, будут формальными и при этом произвольными: как можно, например, использовать пресловутый индекс Хирша или цитируемость в Web of Science при оценке работы специалиста в области русской диалектной лексикографии?

В-третьих, возрастет бюрократизация планов и отчетности. Этот аспект я уже упомянул. Все последние затеи министерства неизменно сопровождаются невероятным, просто фантастическим документооборотом. Отчет по федеральным целевым программам, весящий несколько килограммов (интересно, читает кто-нибудь эти отчеты?), многотомный пакет документов, сопровождающий процесс аккредитации аспирантуры — этим нас уже не удивить. Теперь так будет выглядеть годовой (или полугодовой) отчет по рядовой научной теме, коих у каждого института насчитывается пара десятков, а то и больше. И потом, где будущий «орган исполнительной власти» намерен взять армию экспертов по всем областям науки, которые смогут прочитать и профессионально оценить представленные отчеты? Разве что нанять на работу к тому времени уже уволенных сотрудников РАН.

В-четвертых, нас ждет слияние институтов с вузами и уничтожение академических научных школ. Часто говорят, что одна из целей «реформы РАН» — сделать вузы подлинными научными центрами. Это, безусловно, цель достойная. К ней нужно идти долго, методично, в течение многих десятилетий, осуществляя программу по стимулированию научных исследований в вузах, сохраняя и всячески поддерживая существующие (увы, уже такие немногочисленные) научные школы, пытаясь, где это возможно, создавать новые. Такая программа требует значительных финансовых затрат и жесткого контроля над целевым расходованием средств, а также квалифицированных организационных усилий. Но «пересадка» в вузы успешных научных коллективов, выросших в среде РАН, никакого положительного эффекта не даст. Скорее всего, судьба их будет печальна. Во-первых, они лишатся привычной среды, в которой сформировались и работали, а во-вторых, первое же сокращение штатов — а во многих вузах это, кажется, процесс перманентный — положит конец их недолгому существованию на новой территории.

Список потерь, к которым неминуемо приведет ликвидация системы институтов Российской академии наук (а именно это является ядром нового закона), можно продолжать: гибель академических журналов и электронных ресурсов, туманная судьба научных коллекций, картотек, архивов и музеев, уничтожение системы подготовки научных кадров. Всё это, увы, станет реальностью уже через несколько месяцев.

Беседовала Ольга Митренина, для "Фонтанки.ру"